

Вячеслав Сазанович

Бронзовый век

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-1
ББК 84
С14

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сазанович Вячеслав

С14 **Бронзовый век / Вячеслав Сазанович. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 126 с. ISBN 978-5-4498-3094-4**

Внимание читателей представляется пятый авторский сборник стихотворений Вячеслава Сазановича.

Бронзовый Век — это не промежуток времени длиной в 100 лет, это эпоха, длившаяся с XXXV по XII века до нашей эры. Древние Египет и Греция, Вавилон, Ассирия, Колхида, Троя — это эпоха возникновения, расцвета и исчезновения первых великих государств, эпоха первых великих войн и заключений мира, первых великих открытий, первых великих побед и суровых поражений.

**УДК 82-1
ББК 84**

18+

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

СЛОВ НЕ ПОДОБРАТЬ!

Вздригнуло полено в щупальцах огня,
Печка согревает бережно меня,
И мурлычет словно переевший кот
За стеклом оконным ветер-обормот.

Лавка, рукомойник да в углу дрова,
Как же мне спокойно — верится едва.
Вместе с интернетом умер телефон,
Но сияет в люстре маленький плафон.

Передать подробно, трудно, не могу,
Как с часов с кукушкой слышится «ку-ку»,
Как скрипит чуть слышно, видно налегке,
Домовой шагами, там, на чердаке.

Стены плинтусами привинтились в пол,
Кружки разложились брюшками на стол,
И прельщает лаской мягкая кровать —
Как же мне прекрасно! Слов не подобрать!

ДОМ ЗАБЫТОГО ПОЭТА

В недавно свитое гнездо
Влетела ласточка кометой.
А под гнездом был старый дом
Давно забытого поэта.

Сплело воздушную вуаль
Над лесом облачное стадо.
Поэта вроде бы и жаль,
Но жалости ему не надо.

Поэт писал не для наград,
Не за тугой сокровищ ящик.
Он для души на разный лад
Своей писать старался чаще.

Забыт поэт... Под вечер гром
С дождем с небес к земле прорвался.
А дом поэта, старый дом,
Еще стоял, еще держался.

ПРОЩАНИЕ

С косыми стружками дождя
Сдружился я на остановке.
Он пригибал к земле, шутя,
Травы насупленные бровки.

Был слышен где-то вдалеке
Крик чайки, ветром недовольной.
А я автобус «налегке»
Ждал, опьяненный жизнью вольной.

Нет багажа с собой. И пусть.
Зато какие ароматы
Несет назойливая грусть
Из тучи дымчато-лохматой!

Автобус скоро увезет
Меня, отбросив все сомненья...
А дождь прощальный льет и льет,
В траву вживляя ожерелья.

В ПРЕДТУНДРОВОМ КРАЕ

Миниатюрные, словно игрушки,
Выросли сосны — две близких подружки.
Ручки колючие, рост — метр с кепкой,
Ножки к земле припечатались крепко.

Лапкой за лапку друг друга хватая
Ввысь подниматься они не желают.
В этом суровом предтундровом крае
Тот, кто огромен, тот не выживает.

Нынче зима. Окопавшись в сугробе
Юные замерли молча особы.
И на заснеженном белом атласе
Нет их ни выше и нет их прекрасней.

Соснам, одетым в искрящийся иней,
Богом дано быть всегда молодыми.
Вечно им выглядеть словно игрушкам,
Двум невысоким, но близким подружкам.

КЛОЧКИ ОБОДРАННОЙ АФИШИ

Клочки ободранной афиши
Поникший столб к себе прижал.
Он фонарем скрипел чуть слышно.
Был тихий полдень, столб дремал.

Во сне своем он видел грезы,
Где сам со сцены выступал,
Где, еле сдерживая слезы,
Рукоплескал ему весь зал.

Он был всемирно популярен,
Был театральной он звездой,
Встречал по свету, регулярно
Фотопортрет блестящий свой...

Чуть знойный полдень, столб поникший
К груди прижал, не оторвешь,
Клочки ободранной афиши,
Цена которым – медный грош.

ВЫСОТА

Надоела эта высота,
Руки с ней устали разбираться.
Страшно не хватает мне хвоста —
С ним-то проще к выступам цепляться.

Выше быть завистливых врагов
Возжелало преданное сердце.
Где бы раздобыть еще рогов,
Чтобы в стену крепче упереться.

Жалко, что из жизней я одну
Вытянул в небесной лотерее —
Если вдруг смертельно упаду,
То подняться больше не сумею.

А вершина, ой-как, далека!
Я ползу, почти что, обессилен.
Скинули мне б, что ли, облака
Для поддержки парочку бы крыльев.

Где судьба так тебя размазала,
Где ты выцвел так, постарел?
Распрощаться с земными красками
Ты сознательно захотел?

С голубями сидишь на лавочке.
С ними, видимо, веселей.
Кеды вытоптались до тапочек,
Рядом шапка, в ней сто рублей.

Жажда сильно тебя замучила,
Хочешь выпить, но не воды.
Разнобокие брови скрючило,
В бороде от еды следы.

Что за бледностью внешней прячется,
Может, наш нестабильный век?
Говорят, что так в пропасть катится
Опустившийся человек.

Я не верю, в тебе нет подлости,
И язык твой совсем не колк.
А исчезнуть вернее в пропасти
Ненасытный способен волк.

Завтра, чувствую, буду съеденным
Я безжалостною толпой.
Разрешите мне сегодня вечером
В предзакат посидеть с тобой.

Поднимусь ли потом, не знаю я.
Ну, а если не поднимусь,
То с судьбою своей угловатою
Обязательно распрощусь.

И начну я затягивать нóздрями,
Как и ты, кислородный газ,
Забывая проблемы острые,
Выцветая из чуждых глаз.

БУТЫЛКА В КАРМАНЕ

Закуска в руке и бутылка в кармане,
Домой возвращаюсь немного я пьяный.

Шагаю безмерно усталый с работы,
Забывший про отпуск и про субботы.

Воскресные дни тоже движутся тяжело...
В дороге ко мне привязалась дворняжка.

Сияющий взгляд, хвост виляющий, узкий.
Доем-ка с ней вместе остатки закуски.

В закуске кусочки есть вкусного мяса,
И мясо отдам я дворняжке все сразу.

Прекрасная ночь, молчаливый попутчик,
И скромный с небес лунный падает лучик.

И как на судьбу свою можно ругаться,
Когда есть что выпить, и с кем прогуляться.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вы простите, пичужки,
Беспардонностью мою —
Хлеб из вашей кормушки
Я сейчас поклюю.

Голодал больше суток,
Жажда мучает — жуть!
Надо воду у уток
Из реки отхлебнуть.

Никогда безалтынной
Не бродил сиротой,
Но сейчас из пустыни
Возвращаюсь домой.

Осознал на чужбине
Глупость мыслей своих —
Нет, не будет в помине
Мест милее родных.

Дома даже пичужки
Боль помогут убить —
Хлеба дать из кормушки
И водой напоить.

ОТРАЖЕНИЕ

Ты улыбаешься — я улыбаюсь,
Ты веселишься — и мне хорошо.
Если работой опять изнуряешься,
Значит, и я буду биться еще.

Ты заболеешь — и я заболею,
Ты ляжешь спать — и я тоже усну.
В прорубь зимой если прыгнуть посмеешь,
В след за тобой без раздумий нырну.

Каждое в жизни твоей изменение,
С нотками холода или огня,
Может увидеть свое отражение
В зеркале сердца в груди у меня.

Если с зарницею раннею встанешь,
Значит, и я буду бодрым к утру.
Буду беспомощным, если устанешь.
Если умрешь — то я тоже умру.

СОРОКА

Приседая на левый бок
Гордо шествовала сорока.
Я сегодня проснуться смог,
Зная — скоро уйду в дорогу.

За сорокой тянулся след.
След, похожий на россыпь ёлок.
Навсегда ли исчезну? Нет!
И, поверь мне, что не на долго.

Приподняв над землей крыло
Клюв об камень сорока точит.
Я хочу, чтоб тебе ждалось
Без волнений особых очень.

Обещаю — пройдуся без бед.
И вернусь — позабудь тревоги.
Это явно, как четкий след,
Что остался от той сороки.

КАК ЭТО «НИ О ЧЕМ»?

Как это «ни о чем»?
Что это за «пустяк»?
Встретились мы вдвоем
Вовсе не просто так.

Это все ерунда,
Чистый словесный бред.
Ты ведь сказала – «Нет»,
Явно считая – «Да»!

Каждая фраза – чушь,
Лишний, никчемный хлам.
Нужен ли в чувства нам
Бьющий холодный душ?

Деться тебе куда?
Разум свой успокой!
Мы ж «не разлей вода»
Стали давно с тобой!

Короткі наши встречи —
Есть такая немилость —
Вроде начался вечер,
Но вдруг утро явилось.

Подхожу я к порогу,
Вроде времени много,
А оно, круглощeko,
Встречи срок ест жестоко.

Коротки наши встречи.
Что же делать, не знаю.
Время, то что всех лечит,
Нас с тобой угнетает.

Нам бы с ним расквитаться,
И быстрее бы, конечно,
Чтоб смогли наслаждаться
Мы друг другом бы вечно.

Надо будет, так свершу,
Сложно будет, но сумею.
Ульи пчел разворошу,
Не сбегу, не оробею.

Тучи мрачные сожгу,
Не посмею я иначе.
Через силу, но смогу,
Отгоню прочь неудачи.

Я с тобой, всегда с тобой,
И телесно, и ментально.
Если нужно, брошусь в бой,
Без раздумий, моментально.

Тучи стерли дряхлый месяц,
Ветер свищет ни о чем,
Лист себя с березы срезав
Вниз несется напролом.

Фонари вбивают грозно
В землю тени от столбов,
Осень чистит скрупулёзно
Ливнем крыши у домов.

Лужи бледно в жидком дегте
Располневшие лежат,
У окón стальные локти
Подоконников дрожат.

Ночь свирепа, воздух стынет,
Небо скрылось в парандже.
И холодный, черствый иней
Липнет иглами к душе...

Хоть завертись этим временем вспять,
Боль от ошибок нельзя избежать.
Трус не поднимется ввысь до героя,
В счастье и радость не выльется горе.

Чтоб ты не делал, под утро веселье
Снова закончится жутким похмельем,
Будут ошибки опять и опять...
Хоть завертись этим временем вспять.

РАССВЕТ

Прогноз дождей не обещает,
Он предрекает ясный день.
И город сонно примеряет
Утра алеющую тень.

Несется шмель на состыковку
С цветком ближайшего куста.
А я иду на остановку
Без лишней тяжести зонта.

Еще шагаю я без шапки,
На мне и куртки тоже нет.
А из пылающей охапки
Лучей зари летит рассвет.

Сегодня день рабочих будней
Столь необычным должен быть,
Что то, что в ночь казалось трудным
Я не смогу не победить.

Теперь с прогнозом я согласен
Гораздо больше, чем вчера,
И, знаю, вечер будет ясным,
Как отражение утра.

РАСПУТИЦА

От весны и тепла
Таять стали сугробы.
Ты куда «поплыла»,
Сняв промокшую обувь?

Нам гулять целый день.
Снова надо сапожки
Неприменно надеть
На промокшие ножки.

Ведь вода холодна
И простынуть ты сможешь...
Но сойдешь не одна
На лечебное ложе.

Не спеши, удержишь!
И по лужам глубоким
Дай мне тоже пройтись
За тобой босоногим.

И бороться потом
Мы с весенним недугом
Будем только вдвоем,
Согреваясь друг другом.

Я К ТЕБЕ НЕПРЕМЕННО ВЕРНУСЬ

Вот он голос родной, невесомый!
Но прислушался... голос чужой.
Вот он, локон, до боли знакомый.
Но вгляделся и понял — не твой.

Разум знает, что нет тебя рядом,
Что вдали ты исчезла, как дым.
Но глаза ищут встречи со взглядом
Столь единственным и дорогим.

Обоняние воздух глотая,
Нужный запах, пытаюсь, поймать,
Рефлекторно меня заставляет
Вновь тебя где-то близко искать.

О тебе, об одной постоянно
Окружают меня миражи...
Я до встречи с тобой долгожданной
Обязательно должен дожить.

Километры меня не страшат,
Не пугает мороз чумовой.
Я вернусь! И безумно желаю
Слышать голос и знать, что он твой.

Сладкий запах твой шумно вдыхая
Взглядом сочным твоим я напьюсь —
Я спешу, я стремлюсь, дорогая!
Я к тебе непременно вернусь!

КАМНИ

Не от горя, а от смеха
Даже камни прослезились.
Таял выбитый из меха
Недозревший первый иней.

Ты стояла вся такая
Внеземная, с тонким бюстом.
Ну, а я, слова глотая,
Говорил тебе о чувствах.

Ты словам ни на минуту
Дать надежды не решилась,
Их восприняла как шутку
И с ухмылкой испарилась.

Только мысли долгим эхом
О тебе прощально ныли.
А вокруг, трясясь от смеха,
Даже камни слезы лили...

Тишина сковала слух.
Раздается только шорох
По стеклу бродящих мух
Многочисленных и черных.

Постепенно свет угас
За нечищеным окошком.
Что-то стало мне сейчас
Беспокойно и тревожно.

Почерствевший лунный блин
Скоро станет подниматься.
Нет, я вовсе не один,
Так, что хватит волноваться.

Нет, я вовсе не убит,
Сиротливость дух не гложет,
Ведь и в мухах жизнь кипит,
Хоть и черная, но все же.

НЕ СОГРЕТЬСЯ ВОВСЕ

Что-то стало холодно,
Не согреться вовсе.
Не прельщает золото,
Не спасают звезды.

Целое расколото,
Черти рвутся в гости.
Заменить бы долото
На стальные гвозди.

Гвозди я без молота
Вколотил бы просто.
Но ослаб от голода —
Бросьте мне хоть кости!

Растерялась молодость —
Нет любви, нет злости.
Что-то стало холодно,
Не согреться вовсе.

Среди следов иголки трав
В снегах по пояс окопались.
Прости меня, я был неправ,
Когда с тобою расставались.

Я говорил, что нет весны,
Что навсегда она исчезла.
А миражей обман и сны
Совсем для жизни бесполезны.

Я ошибался, виден толк
Во всем, что выдано мечтою,
И даже в ночь голодный волк
Не просто так из леса воет.

И зимних дней постылый счет
Исчезнет все же над землею.
Весна бесспорно расцветет!..
Но буду я уже с другою.

ДНО

Ветер в лицо и разорванный парус,
Молнией свёрнут скрипящий штурвал.
Страшно! Но страхи унять я пытаюсь.
Бури вселенские черт бы побрал!

Вёсла утеряны, стрелка компаса
В поисках севера сходит с ума.
Лижет пробоиной горькую рясу
Тёмной волны ненасытно корма.

Но я держусь, потому что уверен,
Там, впереди, за грядой штормовой
Ждёт меня ясный и солнечный берег
Вместе с надёжной, прекрасной землёй.

Я доберусь! Доплыву! Без сомнений!
Не захлебнусь! Ведь известно давно,
Что без надежды и дел во спасенье
Люди и тонут, спускаясь на дно.

СУДЬБА

Судьба – проказница, судьба – затейница,
То жутко дразнится, то бьет метелицей,
То счастьем светится, то горем дуется,
Рычит медведицей, кудахчет курицей.

То безобразная, совсем бездумная,
То распрекрасная и слишком умная.
Судьба фривольная, судьба изменчива...
Ей всё дозволено, она ведь – Женщина!

БЛИК С ОТТЕНКОМ БАРБАРИСА

Багровел диодной лампой
Отключённый телевизор.
Вниз от лампы на пол падал
Блик с оттенком барбариса.

В небесах, в мохнатой туче,
Чуть простуженные звезды
Позабыв свою летучесть
Улеглись и грели кости.

Домовой в густых потемках
Тихо скрипнул половицей,
За оконной перепонкой
Ветер начал веселиться.

Веселиться, но не злиться,
Он не видел в злости смысла,
Просто он решился вселиться
В блик с оттенком барбариса.

ДОЛЬКИ СОЛИ

Климат резко континентальный,
Комары, мошкара, мороз.
Аномалиям здесь термальным
Жить позволено в полный рост.

Пуховик девять месяцев носишь,
А как льдины уйдут — под зонт.
Здесь природой проложен мощный
Неприступный погодный фронт...

Ну, а я, я желаю на море,
Выйти к берегу, крикнуть — Ах!
Воды синие с дольками соли
Ощутить на своих губах.

Я хочу в край цветущих магнолий
Под названием сладким — Юг.
Там прощусь я с тяжелой долей
Наших северных грозных вьюг.

Я желаю до самой дальней
Горизонтной черты доплыть,
Чтобы климат континентальный
Не на долго, но позабыть.

УСТАВШИЙ ГОРОД

От острых высоток натужно дыша
Стал город колючим не хуже ежа.
В подсветке застряв и в рекламных огнях
Забыл он о снах и о звездных ночах.

Устал он от пробок на автодорогах,
От центров торговли, от вечного смога,
От стоков с решетками, тверди скульптурной,
От почвы, погибшей под лентой бордюрной.

Бездушных людей постоянно он видит,
Общественных праздников гул ненавидит,
Не может терпеть толчею на бульварах
И возгласы резкие голоса в барах...

А хочет он вновь окунуться в былое,
Когда рядом поле цвело луговое,
Трещал над ромашками ранний кузнечик
У первого домика с маленькой печкой.

Там воздух пьянился свежайшей росой,
И лес от скопления хвой был густой,
И звонкий ручей, заметив рассвет,
Ему лепетал восхищенно — Привет!..

Десять раз он был женат,
Десять разводился,
Но надеть опять наряд
Свадебный решился.

Рядом яркая душа,
Новая невеста.
И стройна, и хороша —
Тили-тили-тесто!

Только та, что с ним сейчас
Рядом обручилась
Тоже ровно десять раз
В прошлом разводилась.

Пей и умный, и дурак —
За столом не тесно!
Сколько длиться будет брак
Этот, неизвестно.

Может, вечность, может, год
Краткий, да и только.
Думать хватит. Слышь, зовет
Тост веселый — «Горько!»

Ты сегодня спокойно уснешь,
Звезд на небе зажгутся крупицы,
И под их чуть заметную дрожь
Я хочу тебе очень присниться.

Я желаю в твой сон заглянуть
Нереальной, но все-таки былью.
Пусть рассыплется тягостный путь
Между нами космической пылью.

Неизменность основ бытия
Ты изменишь во сне, перепишешь,
А потом подойдешь и меня
Обязательно крепко обнимешь.

А еще я хочу пожелать
Чтобы ночь не спешила бы скрыться,
И когда буду крепко я спать,
Чтоб и ты мне решила присниться.

НАПИШУ ТЕБЕ БЕЗ РИФМЫ

Напишу тебе без рифмы
Столь желательной поэтам,
Что сегодня день без ветра
Золотится листопадом.

А еще случилось чудо,
С чашкой утреннего кофе
Проглотил я лучик солнца
И теперь сияю тоже.

Да, прохладно, но ведь осень
К ноябрю шагает смело,
И жары теперь не будет,
Ну, как минимум до мая.

Но зато какое небо!
Бесконечно и глубо́ко!
И прозрачное такое!
И такое голубое!

И сегодня я желаю,
Чтобы с губ твоих улыбка
Целый день бы не сходила,
Настроенье улучшая!

ДА КАКОЙ ИЗ МЕНЯ СТРАТЕГ?

Да какой из меня стратег?
Да и тактик совсем ни к черту.
Не способен сплотить вовек
Ни одной боевой когорты.

Смухлевать не сумею я
И дверй ни одной не вскрою,
Воссоздать не смогу коня,
Погубившим коварно Трюю.

Я наивен и очень прост.
Так что выйти со мной на встречу
Можешь смело и «в полный рост» —
На любой твой вопрос отвечу.

Ты на встрече казаться злой
Перехочешь, начнешь смеяться.
И, уверен, потом со мной
Ни за что не решишь расстаться.

НАКОНЕЦ-ТО ВДВОЕМ!

Наконец-то вдвоем! Мы в доступной близости!
Взгляд ресницами твой прикрывается.
Нам не надо спешить и куда-то идти.
Обними меня крепко, красавица.

Я желаю к твоим прикоснуться губам.
Почему же мне так доверяешься?
Мы вдвоем. И способны взлететь к небесам!
Как ты, милая, сильно мне нравишься!

Часто давит к земле городов суета,
Опостылая и неопрятная.
Утонул бы я в ней, но явилась мечта —
Я дождался тебя, ненаглядная.

Нам слова не нужны, нам они ни к чему.
Тишина распласталась счастливая.
Дай я тоже тебя крепко к сердцу прижму,
Дорогая моя и любимая.

ОТЛОЖИМ ОХОТУ

Отложим охоту, устроим пирушку,
Достанем пол литра, чеснок да петрушку.
Пускай, будут сало и шпроты добычей,
Мы выпьем за здоровье зверя и дичи!

Еще есть в пакете два свежих батона,
Они повкуснее подсумка патронов.
Давай-ка, мы в землю зароем подсумок
И тут же обмоем столь смелый поступок!

Еще за родителей выпить нам надо,
За осень цветущую, шум листопада.
И можно повторно, без всяческих шуток –
За зайцев и прочь улетающих уток.

А завтра вернемся и выскажем женам,
Что целыми мы сохранили патроны,
Что не было рядом ни дичи, ни зверя.
И это ведь правда! Нельзя нам не верить!

Но это все завтра, сейчас же природа
Танцует фокстротом под водку и шпроты,
И с нею листва золотится опушки.
Отложим охоту! Устроим пирушку!

САПОГИ И БОСОНОЖКИ

Сапоги сороконожке
Сшил к весне червяк-сапожник.
Завалил в своей квартире
Все столы и стулья ими.
Пару сунул под будильник,
Пару спрятал в холодильник,
Разложил с десяток в ванне,
Остальные — на диване.

Тесно стало дома очень.
За окном второй час ночи.
И свернувшись у порога
Лег червяк поспать немного.

Ну, а днем сороконожка
Примерять пришла сапожки.
Две недели обувалась,
Три недели шнуровалась.
А потом с дивана встала,
Не спеша поприседала,
Каблучками постучала,
И рассерженно сказала:

«Ну, какой же ты сапожник, червяк?
Сапоги твои, червяк, это «брак».
Можешь выбросить их тут же в окошко.
А на лето сделай мне босоножки».

И опешил моментально червяк.
Слов таких не ожидал он никак.

Ведь полгода он не ел и не спал –
Дни и ночи сапоги создавал.

Отказался босоножки
Делать он сороконожке.
Сапоги с нее он снял,
Да из дома прочь прогнал...

До сих пор сороконожки
Грустно ходят по дорожкам
Ровно в сорок тонких ножек
Без сапог и босоножек.

ПИСЬМО ДЕДУШКЕ МОРОЗУ

В резиденцию Деда Мороза письмо
Я отправил сегодня почтой.
И, уверен, Мороз прочитает его
Наступающей звездной ночью.

В первых строках письма о себе расскажу,
Что я был целый год хорошим.
Что с мальчишками в классе прекрасно дружу,
И с девчонками, кстати, тоже.

А затем Дед Мороз прочитает какой
Я подарок прошу новогодний.
Потрясет не спеша он своей бородой
И в ладоши негромко хлопнет.

И на помощь к нему моментально придут
Зайцы, белки, лисицы, совы.
Мой подарок на свет из ларца извлекут
И упрячут в мешок бордовый.

А когда на заре пробужусь по утру,
То в квартире под стройной елью
Я подарок себе от Мороза найду
И, что чудо сбылось, поверю...

Миллионы надежд миллионов детей
Дед Мороз видит в письмах прекрасных.
Он трясет, не спеша, бородою своей,
Выполняя их все безотказно.

ДОМАШНИЙ ОТПУСК

Квартира пусть будет пляжем,
А морем пусть будет ванна,
Горшочек с цветком — пейзажем,
Шезлонгом — поверхность дивана.

Я дома себе открою
В субботу и воскресенье
Свой собственный санаторий
Для отдыха и безделья.

Неважно снаружи что там
Скрывают от взгляда шторы,
Я утром проснусь в субботу
И сразу пойду на море.

Себе подарю я отпуск
Безветренный и домашний,
Двухдневный, совсем короткий,
Но с теплой волной и пляжем.

СПОСОБНЫЙ ВЕРИТЬ ЛЮБОЙ СУМЕЕТ

Вам приходилось летать во снах?
Ну, или верить в далеком детстве,
Что все задуманные чудеса
Вполне реальны на этом свете?

На них с годами затертый взор
Перестает обращать вниманье.
А я, вот, верю и до сих пор
Во исполнимость любых желаний.

Наивны очень мои мечты.
Но, ведь мечта и в метель согреет.
Я знаю, с нею сойтись на «Ты»
Способный верить любой сумеет.

Я верю в чистое волшебство
И в чародейственность ярких красок,
В гаданий светлость на Рождество
И в правду лучших на свете сказок.

СИМВОЛИЗМ ПОЗИТИВИЗМА

Символ музыки – гитара –
С легким чувством торжества
Заиграла у бульвара
Под известные слова.

Символ верности – собака –
Распрямила хвост трубой.
Символ осени – по парку
Лист несется золотой.

Солнце реет – символ света –
Ослепляя блеском взор.
Изменений символ – ветер –
От песчинок чистит двор.

Символизм позитивизма
Мне приятен стал теперь.
С ним пытаюсь счастьем в жизни
Вновь открыть свою я дверь.

Если символ знак хороший,
То хороший с ним и день.
Жить без символов так сложно!
А, нередко, просто лень.

Я МАГИЧЕСКИЙ ШАР ХРУСТАЛЬНЫЙ

Я магический шар хрустальный,
Знаю выход в астральный лаз.
Я способен любые тайны
Рассекретить для ваших глаз.

Покажу, где сгнездилось горе
И к борьбе с ним зовет набат.
Расскажу, где в песках у моря
Закопали пираты клад.

Где жара охладилась влагой,
Где от засух трещит земля,
Даже край, где зимуют раки
Указать вам способен я.

Разрушаю легко загадки,
Я отмычка от всех дверей.
Если жить захотите гладко,
Обращайтесь ко мне скорей.

Зарисовкой своей астральной
Ввысь поднять помогу дела.
Я ж магический шар, хрустальный,
А не просто кусок стекла.

ГАЛЕРА

Взрыхляя тяжестью весла морскую пену
Бегут галерные рабы домой из плена.
И тех, кто был на корабле Османской веры
На дно отправили рабы за борт галеры.

В погоню вышел галеас за бунтом сразу.
Ох, жаль, сгорел у бунтарей галерный парус.
Но весла есть, а значит им сдаваться рано,
А коли что, то на врага пойдут тараном.

Уж, лучше гибнуть наглотавшись в море щепы,
Чем вновь к запястиям цеплять стальные цепи.
Но тяга к дому посильней любой погони,
И галеас, как б не спешил, их не догонит.

Рабы на палубах галер теряли годы.
Но, обрести уже смогли себе свободу.
И доказали, что сломать судьбы капризы
Способен каждый, кто опять стремится жизни.

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛ Я ТАКИМ СЧАСТЛИВЫМ

У подъезда ржавая машина
Ухмылялась мне подбитым глазом.
Я же наполнялся лошадиной
Дозой никотинового газа.

Пена съела шесть бутылок пива,
Об грудную клетку воздух бьется.
Если б не был я таким счастливым,
То курить б, наверно, тут же бросил.

Свет из окон бродит по асфальту,
Хлещет по бордюрам гибкой плетью
И движеньем каждым, моментально,
Безотрывно прилипает к сердцу.

Голова и разум улетели,
У подъезда я шатаюсь пьяным,
И готов сейчас я на колени
Рухнуть перед проходящей дамой.

Вижу, что кажусь ей жутко «синим»,
Но готов с ответом на расспросы —
Если б не был я таким счастливым,
То и пить б, наверно, тоже бросил.

Ливни холодом жгут осенние,
Бьются разуму косо в борт.
Догрызает мое настроение
Ненасытный хвостатый черт.

Мысли прочь отстраненно катятся,
Словно я неродной им, нет,
Словно я отстоял на паперти
Чечь меня на горсть монет.

Я зажег бы себе для прочности
Путеводный вдали маяк.
Только прочности мне не хочется
Абсолютно сейчас никак.

Погибают в дыму инквизиции
Чувства лучшие, ну и пусть.
И не знаю, смогу ль оживиться я,
Но надеюсь, что оживлюсь.

ШАРЛАТАНЫ

Двести двадцать вольт напряженья,
Сила тока — один ампер.
Оголились от воя нервы,
Стал оказывать глазомер.

Не сдержался и лопнул бубен,
Не осилил он колдовства,
Хрипло в воздух бросают губы
Чародейственные слова.

Не напрасны мои потуги,
Деньги льются от них рекой.
Посетители, словно другу,
Верят всей мне своей толпой.

К силе мистики от шамана
Люди липнут, как мотыльки —
Наполняют мои карманы
Чужеродные кошельки.

Шар магический, карты Таро,
Пляски с бубном в клубах пыли —
Ой, скажу я вам, шарлатаны
Никогда не уйдут с земли!

За возможную ночь с тобой
Мне подрастья пришлось недавно.
И теперь воротник иглой
Пришиваю к рубашке рваной.

Стал обычный стакан похож
На блестящий победный кубок.
Из него чай в меня сквозь дрожь
В кровь разбитые тянут губы.

Распластался под локтем стол,
На предплечье синяк огромный.
Но и недруг домой ушел
Основательно поврежденный.

Пустяки, что болит кулак.
Что душа разболелась – скверно,
Ведь сегодняшней злейший враг
Был вчера еще другом верным.

Но клянусь, примирюсь я с ним,
Расхмурю, что казалось хмурным,
Извлеку твой из дружбы клин
И рубашку отправлю в урну.

И пусть он выбирает сам –
Дальше видеть твои ли знаки,
Иль тебя позабыть к чертям,
Как причину никчемной драки.

В ПЕРЕУЛОЧНОМ ПРОЛЁТЕ

Чуть согнувшись у аптеки
Столб, сдружившись с фонарем,
Тень живого человека
Прибывал к земле огнём.

Ночь давно уже явилась,
Смотрит сверху, не поймет –
Может, что-то с ним случилось?
Может, он кого-то ждёт?

Да, случилось, ходит-бродит
Вдоль аптечного креста
В переулочном пролёте
Человек тот не спроста.

Третий час идет-шагает,
Дым струится сигарет.
Ждёт любимую, встречает,
А ее все нет и нет.

А она невозмутимо
От него вчера ушла.
И теперь с другим любимым
Вдалеке вновь расцвела...

Столб стоит, горит аптека
Размалиненным крестом.
В землю тень от человека
Так и бьётся фонарем.

ТОСТ

Давайте выпьем, друзья, за то,
Причем без тягостного промедленья,
Чтоб никогда не видали дно
Источников личных мы вдохновенья.

Чтоб рифма была не в бровь, а в глаз,
Стихи рождались без долгой муки.
А, если надо кому из нас,
Чтоб разгрызался гранит науки.

Давайте выпьем, друзья, сейчас
За наши помыслы и страданья,
Чтоб покорился всем нам Парнас
Без долголетнего ожиданья.

Чтоб свет важнее был черствой тьмы,
Чтоб меньше было бы дней капризных,
И чтоб известными стали мы
Не после гибели, а при жизни.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Да, я, вживляя рифмы в строки,
Стихи пытаюсь сочинять.
Но, вот, оценят ли потомки
Мою столь искреннюю страсть.

Был век поэзии из золота,
И был еще век серебра.
Затем они ушли куда-то,
Следы теряя во вчера.

Но им товарища, все ж, надо
Себе надежного найти,
Победоносной, чтоб, триадой
На пьедестале расцвести.

Глядишь, и завтра Человеком,
Не сразу, может, ну и пусть,
Поэтом Бронзового века
Внезапно я вдруг назовусь.

БЕЗМОЛВНЫЕ ТАЙНЫ

Забыв о рабочем дресс-коде,
О жизни по планам квартала,
Люблю я на даче в субботу
Под вечер присесть у мангала.

Легко прижимаются к телу
Измятые джинсы с рубашкой.
Под вечер любому там делу
Открыта душа на распашку.

Китайский приемник негромко
Мотивом российским бормочет.
Шашлык ароматнейшим соком
Над углями нежно кваочет.

С листвы там ручьи кислорода
Стекают в воздушные массы.
И может безмолвно природа
О многом рассказывать сразу.

Расскажет она о заборе
Под мхом отсыревшем и склизком.
Соседском мурлычущем воре,
Укравшим из миски сосиску.

Расскажет она о туманах,
Искусственном дыме немножко,
И как в землянистых карманах
Неспешно толстеет картошка.

Расскажет еще и про тягу,
Для жара так нужную печке,
Про сонную, темную влагу,
Живущую в жилистой речке...

Люблю я на даче в субботу,
Под вечер присесть у мангала —
Ведь тайны безмолвно природа
Не все еще мне рассказала.

ПОБЕДИТЕЛЕЙ ВЕДЬ НЕ СУДЯТ

Над гнездом лебедь белая бьется,
Выгибаются крылья птицы.
Шагом к ней неотступным крадется,
Приседая в траве лисица.

Голодают в норе лисята.
Что же делать лисице-маме?
Только страхи поглубже спрятать,
Подбираясь к гнезду с птенцами.

Скоро встретятся обе силы,
Будут биться нещадно – верьте!
Кто осилит в борьбе? Лисица?
Или белая все же лебедь?

Если лебедь, в норе от голода
Не протянут и дня лисята.
А иначе исчезнет со свету
Из гнезда молодняк пернатых.

Добрым, злым после битвы жизненной,
Победивший считаться будет?
Обсуждения здесь бессмысленны –
Победителей ведь не судят.

НАСТЫРНЫЙ ДОЖДЬ

Настырный дождь уже неделю
Без передышек льет и льет.
Земля им дóсыта наелась,
В грязи измазав свой живот.

Ладони просятся в перчатки.
Сегодня утром дождь опять
Термометрические знаки
Заставил высветить «плюс пять».

Чихают, брызги распыляя,
Зонты, деревья и дома.
В квартирах властвует сырая
И чуть слепая полутьма.

Вдали витрина магазина
Неоном ламп ритмично бьет.
А дождь по-прежнему настырно,
Не прекращаясь, льет и льет.

УСТАЛОСТЬ

То ли нужно витаминов
Пить начать животворящих,
То ль о подвигах спортивных
Нужно думать мне почаще.

То ль к себе мне надо жалость
Толще пудрить мелом белым,
Чтобы вытравить усталость
Бесконечную из тела.

Бесконечную усталость
Чтобы вытравить из тела
Надо что-то смело делать,
Делать много, а не мало.

Чуть подольше сны ночные,
Кофе крепкий, спорт и йогурт
С кучей чудо витаминов,
Может, все же мне помогут...

ПОГОВОРИМ НЕ О РАБОТЕ

Рабочий спор унять никак
Мы не способны. Гаснет вечер.
Так, наливай скорей коньяк,
Им языки с тобой подлечим.

Закончим жизнь свою губить
На поворотах и ухабах.
Давай-ка лучше говорить
Не о работе, а о бабах.

Считаю, женственная суть
В коварстве прячется, конечно.
Обсудим талию и грудь,
Запястья, бедра, ноги, плечи.

Поговорим еще о том,
Как в дом библейского Адама
Влетела, словно снежный ком,
Перво-назойливая дама.

Еще мы выпьем за подол
От ветра вздернутый повыше!
Как хорошо, что слабый пол
Наш разговор сейчас не слышит.

Допьем коньяк, да и пойдем
Искать девиц себе по краше.
И о проблемах им потом
Мы о рабочих и расскажем.

Нет, неправда, нет на свете Старости.
Старость – это Молодость уставшая.
Если сердце буйствует, то к радости.
А без буйства жизнь ненастоящая.

Что-то снова ноет слева в теле,
Справа кости с хрустом закрипели.
Мы и раньше вроде бы болели,
Но себя при этом не жалели.

Старость – философская субстанция,
Возраст с ней не дружит, не общается.
Не способна Молодость состариться,
Да и быть уставшей ей не нравится.

И на Смерть указывать довольно!
Старость к ней привязывать позорно! –
Смерть ведь от рожденья своевольна,
Ей любые возрасты покорны.

ПАСПОРТНЫЙ ВОЗРАСТ

В мой паспортный возраст ошибка закралась,
Ведь я молодой, и противна мне старость,
Способен учиться, играть, веселиться,
В мечтах улетать белокрылою птицей,
Совсем не люблю монотонных нотаций
И очень приветствую быстрые танцы.

А если войду я в автобус, однажды,
И стоя поеду с потоком сограждан,
А с места ближайшего встанет девица,
Заботливо скажет — «Мужчина, садитесь»,
И если я ей отказать не посмею...
То только тогда и пойму, что старею.

Обрывок цепи, полусгнившая будка,
Развалины дома, осколки стекла,
Повсюду трава и глаза незабудок.
Была здесь деревня, да вот, умерла.

Ее не топтало кочевников племя,
Холера не лезла в обнимку с чумой.
А просто жильцы деревенское бремя
Давно обменяли на шум городской.

Поникший колодец желает безмерно
С ведром поделиться прохладной водой.
Сараю без сена душистого скверно,
И дрогнет забор откровенно хмурной.

Деревня погибла. Но все ж таки верит,
Что люди вернуться, дома возведут,
И вид ее мрачный, убогий и серый
Сияющим светом из окон зальют.

Колодец с ведром будет звонко общаться,
А в будке поселится пёс молодой.
И дым из печи, поднимаясь от счастья,
Поделится жаром с ожившей землёй.

ПИСЬМО

Написал ей в письме он буквально вчера:
«Без тебя я умру, не дожив до утра,
Без тебя я умру до утра, так и знай.
Дай ответ на письмо поскорей. Выручай!»

А она на ответ пожалела руки,
Не решившись создать ни единой строки.
А она на ответ пожалела слова,
Лишь плечами пожать сил хватило едва.

Он скончался к утру? Иль живой до сих пор?
Правду эту ее не проведает взор.
То ли выжить сумел, то ли помер — как знать.
Только письма он ей перестал отсылать.

ПЕРСТЕНЬ

Перстень с руки тихо в воду упал,
Кольцами рябь запустил и пропал.
Рябь всколыхнула кувшинок листы,
Спящих под лунным теплом темноты.

Долго кувшинки качались, но сон
Все же сумел успокоить затон.
Скоро вода, ненастырно, молчком,
Новым затон затянула стеклом.

Перстень, подарок твой, мне не найти,
Значит, не будет обузы в пути.
Где его скрыла затонная гладь
Что-то совсем не хочу узнавать.

Ночь. Неподвижны кувшинок листы,
Спящих под лунным теплом темноты.
Сны под кувшинками видит вода...
Сладко им так не спалось никогда.

Ты вроде бы по-прежнему со мной,
Прощальных взглядов боль меня не била,
Но и давно их греющая сила
Не обжигала сладостной весной.

Ты вроде бы по-прежнему верна,
Но почему отсеяв из эфира
Привычный шум обыденного мира
Со мною остается тишина?

И вроде бы по-прежнему прийти
К тебе могу, мгновения отмерив.
Но почему теперь ты держишь двери
Передо мною вечно взаперти?

Ну, что же... Значит мне пора к другой,
С которой буду прочно дни и ночи.
А ты считай, ну, если вдруг захочешь,
Что вроде бы по-прежнему я твой.

ПРОЩАЙ!

Я уйду. Пора домой.
А ты будь сильной, не скучай.
Ведь, остается бог с тобой,
А значит есть с тобой и рай.

За боль, обман и едкость фраз,
Перевалившихся за край,
Произнесу тебе сейчас
Я очень коротко: «Прощай!»

Да! Свершилось! Ложась в кровать
Стало проще мне засыпать!
Наконец-то глубокий сон
Заменяет страстей вагон!

Стала кроткой ночная мгла —
Я спокоен, любовь ушла.

Бутылку водки хочу в оплату,
Купюр валютных давать не надо.
Цветов не надо и шоколада,
Я не желаю другой награды!

Юлить не стоит, скажите прямо –
Хотите яму? Вскопаю яму.
И даже в джунглях гиппопотамов
Ловит способен за пять-сто-граммов.

Не надо денег, давайте водку!
Отбить за водку готов чечетку,
Сменю в квартире я всю проводку.
Но лишь за водку. И только водку.

К чему мне трезвость? В ней много боли.
Могу работать я до мозолей.
Вспахать способен любое поле,
Забывшись в градусах алкоголя.

Намоталось немало лет
Мне на хлопоты дней канатом.
Я давно потерял твой след,
Что так дорог был мне когда-то.

Мне неважно, где ты сейчас,
Кто придет к тебе, только свистни,
И страстей добродивший квас
Часто пьешь ли ты с ним по жизни.

Просто мне повстречался дом,
Чуть сутулый, недолговязый.
Заслонял он двойным стеклом
С занавесками нас от сглаза.

А потом я узнал, что ложь
Ты скрывала за верным взглядом.
Сделал вывод себе — ну что ж...
Ложь-то тоже изведать надо.

Время выстирало пятно
От пролитой на память злобы.
Хорошо, что уже давно
У любви оборвались стропы.

И теперь еще много лет
Впереди меня ждет пригожих...
Это славно, что сгинул след
Твой, когда-то с листвой отсохшей.

КИТЫ НЕ РЫБЫ

Киты не рыбы, им воздух нужен
Из атмосферы, не из воды.
И, может, солнце для них и кружит,
Теплом сияя дневной звезды.

А я простая земная крошка
И мной владеет не свет, а тьма.
Мяучит где-то ночная кошка
Мышей соседских сводя с ума.

Хочу одеться я капитаном,
Штурвал от жизни схватить хочу,
Но оказался ботинок рваным,
И разошелся шов по плечу.

Как свежий воздух ищу удачу,
Судьбы улыбку хочу добыть.
И я пленю их — никак иначе,
Другого просто не может быть.

ВРЕМЯ

Время хитро́ умишком,
Сложный оно предмет —
То его много слишком,
То его вовсе нет.

Время живет бездушно,
Совесьть забыв и честь —
Нет его, если нужно,
Если ненужно — есть.

Бьется в часах секунда,
Трется стрелой в стекло —
Время — оно паскудно,
Время — оно слепó.

Время — оно беспечно,
Другом не может быть —
Жить, чтобы стало легче,
Лучше о нем забыть.

ЯЗЫКИ

Перед войной с Наполеоном
Французский моден был язык.
Затем ценить в советских школах,
Забыв французское «Мерси»,
Немецкий стали всей страной
Перед второю мировой.

Французов с немцами разбили
Не потому, что мы учили
Их языки — здесь нет приметы!
И размышлять нельзя об этом!..

...Сейчас же гражданам российским
Вдруг стало важно знать английский...

НЕИЗМЕННЫЙ ИЗГОЙ

Зубы бьются об зубы,
Кашель горло дерет.
Ветер с наглостью грубой
Хлопя снежные рвет.

Голод сплющил желудок,
Страшно хочется пить.
Мне сейчас не до шуток,
Надо ночь пережить.

Утром в город безбрежный
Незаметно войду.
Там еду и одежду
Для себя украду.

Чуть побыв постояльцем,
Буду изгнан толпой —
Я извечный скиталец,
Неизменный изгой.

Из всех мест мне дороже
Непролазный стал лес...
Хоть, желает он тоже,
Чтоб с земли я исчез.

ДЫМ

Тихо, без суеты,
Дым над трубой вздымался.
Прочь уходила ты.
Я же стоять остался.

Возле ноги лопух
Тело прижал к полыни.
Был разговор наш сух.
Суше ветров пустыни.

Прочь уходила ты,
Болью пронзая мысли.
А вдоль тропы кусты
Почву корнями грызли.

Стало трудней дышать.
Сложно при каждом вздохе
Грудью в себя вжимать
Лёгким столь нужный воздух.

Нет, не считай, не ты
Так мне дыханье сбила,
Просто прогорклый дым
Ветром к земле прибило.

Я считал тебя отзывчивой натурой,
Понимающей чужие мечты.
На проверку оказалась дура-дурой,
Себя любящей и полною ты.

Каюсь я за эту грубую фразу
Перед женщинами, тут же, скорей,
Перед всеми абсолютно и сразу,
Не расскаюь только я перед ней.

Ей солярий оказался с маникюром
Многолетних битв за счастье ценней.
Потому-то и назвал ее я дурой,
А никак не музой верной своей.

С ней до этого легко я общался,
Думал важно ей, а вышло — пустяк.
Хорошо, что понял, что ошибался,
Что и сам я был при этом дурак.

Лопухи на отмелях,
Мутная водица.
Почему в болоте я
Вздумал утопиться?

Там русалки водятся
Вольные и сильные,
Стройные, довольные
И любвеобильные.

Там грехи прощаются,
Говорят, великие,
Память очищается,
Становясь безликою.

Надоело мучиться,
Надоело каяться.
Выбрать там получится
Для себя красавицу.

Потому в болоте я
Вздумал утопиться —
Лопухи на отмелях,
Мутная водица.

Погасла свеча удачи,
В пространстве исчезнув тьмы.
Не видно пути, а значит
Не встретимся больше мы.

Сломалось крыло надежды.
Придется забыть полет.
Пудовая тяжесть спешно
К ногам кандалами льнет.

Мечта от потоков соли
Давно обратилась в прах.
О, Господи, дай мне воли
Забуть об ее чертах.

Неверие пульсом гложет,
Из глаз выжимая лак.
А жить надо как-то все же.
Но только скажите – как?

Имеется финиш у каждого старта,
А жизнь от рождения к смерти привязана.
И лист на березе раскрывшийся в марте
Береза к зиме уничтожить обязана.

Не мы создавали законы природы,
В них правки вносить бесполезно стараемся,
Развеются скоро совместные годы,
И мы непременно с тобою расстанемся.

Но даже не вечны земные гробницы,
Природой и им быть всегда запрещается.
И лист на березе опять возродится,
И старт после финиша новый появится.

Я бы звёзды сорвал, но они высоко,
Я б набрал жемчугов, но они глубоко,
Воздух в грудь бы вогнал, но дышать нелегко...
Ты ушла от меня. Почему? Отчего?

Каждый выстрел идет у меня в «молоко».
В доме пусто — ищи! Не найдёшь никого.
Да, и все, что душе было раньше близко,
Испарилось как дым, унеслось далеко.

ИМЯ

Лицо волшебное твое
Я повстречал вчера... о, боже!
Оно светилося ясным днем
В толпе ненастливых прохожих.

Ты развязала разговор
О том, что в прошлом было томным.
Вновь разжигался сладкий взор...
Но имя я твое не помню.

Через сознание страсть и пыл
Дней улетевших пробегались.
Они так сочно оживлялись...
Но имя я твое забыл.

Поговорив, взгрустнув чуть-чуть,
Мы разошлись по будням длинным.
И я продолжил дальше путь,
Так и не вспомнив твое имя.

КУХНЯ

Бубнит холодильник на кухне,
Ворочают стрелки часы.
За окнами медленно пухнет
Метель, раздувая басы.

Явились мурашки и дружно
Помчались по телу гуськом,
А чай, в остывающей кружке,
Лениво расстался с дымком.

В руке интересная книга,
В другой – с колбасой бутерброд.
А в книге большая интрига
К неожиданной разгадке ведет...

На кухне, столь милой и чудной,
При этом совсем небольшой,
Сейчас мне легко и уютно,
И больше скажу – хорошо!

ЗАГАДКА

Майонез, колбаса да сало,
Чебуреки, мясной рулет.
Пользы в них для здоровья мало,
А точнее, так вовсе нет.

Мне пихают под нос мандарины,
Тыквы, яблоки, сельдерей.
В них полно, говорят, витаминов,
Проживешь с ними больше дней.

Почему, то что сладко – гадость,
Что несладостно – благодать?
Если в тыкве не вижу радость,
То зачем мне о ней мечтать?

Помогите решить загадку.
Почему, кто мне даст ответ,
Если счастливо жить, то кратко,
А без счастья, так хоть сто лет?

* * *

Не поеду я за рулем
И автобусом не отправлюсь,
Лучше медленно и пешком
Я по городу прогуляюсь.

Буду в окна квартир чужих
Я заглядывать, не стесняться,
Сочиню по дороге стих,
Воробьям начну улыбаться.

Свежий воздух вдыхая в грудь
От людских опьянею взоров,
Отдыхать буду по чуть-чуть
У дорожных я светофоров.

Мне ногами пройтись не лень,
Наложил я на транспорт вето,
Ведь сегодня прекрасный день,
Ведь пришло наконец-то лето!

АРКА

Он укрылся в тени многолаповой арки,
Там прохладней чуть-чуть, там не так уж и жарко.

Он простой сибиряк заполярного света,
Аномально тепло ему южного лета.

Он желает домой, где гогочут гагары,
Где спина не горит, словно от скипидара.

Он желает скорей возвратиться, и очень,
В дальний город родной, где есть белые ночи.

Он от юга устал – я его понимаю,
Сам страдал на югах, в снах домой улетаю.

Сам скрывался в тенях многолаповых арок,
Где прохладней чуть-чуть, где не так уж и жарко.

Выйду я на улицу,
Поброжу чуть-чуть,
Солнцу буду жмуриться,
Раздувая грудь.

Тропкой безупречную
Подойду к мосту,
А за ним беспечную
Встречу красоты.

Пригляжусь к припаянной
К деревцам листве,
Прикоснусь нечаянно
Башмаком к траве.

Надо мне развеяться,
Надо мне остыть,
Мысли от метелицы
Злой освободить.

Скоро это сбудется,
Стану я добрей,
Надо лишь на улицу
Выйти поскорей.

ОДИНОЧЕСТВО

Дожи́л я до предлинных разговоров
То с чайником, то с кухонным столом,
То с кучкой краснобоких помидоров,
То с чистым и отточенным ножом.

Готов я говорить о чем угодно —
О холоде арктических широт,
О том, что из одежды стало модно,
О том, что урожайным вышел год.

Меня предметы слушают спокойно,
Не лезут в мой глубокий монолог,
Ведут себя подчеркнута достойно
И не хотят, чтоб я скорей умолк.

Брожу один по стынущей квартире,
Души́ живой нигде не нахожу.
И потому с предметами так мило
И так легко беседы завожу.

ЛУННЫЕ ЗАЙЦЫ

В нашем пруду любят лунные зайцы
Вплоть до рассвета неспешно купаться.
Мех серебристый на зайцах искрится,
Их не пугают ни волк, ни лисица.

Зайцы в ночи веселятся с кувшинками,
Трутся об них, лопухие, спинками.
Под переливы огней звездопада
Совы для зайцев поют серенады.

Но лишь рассветный нагрянет багрянец
Тут же к Луне мчатся лунные зайцы.
Им на замену несутся дневные
Их невесомые братья родные.

Скоро зари разглядев очертания
Ранние птицы начнут стрекотание.
Ну, а потом, в дом влетят сквозь оконце
Яркие зайцы слепящего Солнца!

ЧЕРВЯК И НЕБО

Не знаю, как вышло, но вышло так,
Что полз в самолете земной червяк.
Гудел самолет четырьмя движками,
Скользя гордой птицей над облаками.

И, кажется мне, что непросто так
В салон самолета проник червяк.
Примером своим он давал понять,
Рожденный ползать — способен летать!

СОВЕСТЬ

Тут, главное, вспомнить побольше дел,
Причем неотложных и очень крупных.
Обмолвишься после, что не успел
На помощь прийти из-за будней трудных.

Начнешь сам себе без конца внушать,
Что сам был измотанный до надрыва.
Но только придется потом узнать,
Как совесть болит, если ей паршиво.

ПОЛНЫЙ БОЧОНОК ЗЛАТА

В старом зарыт саду
Полный бочонок злата.
Клад если я найду,
Будешь ли мне ты рада?

Вызнаешь, что богат,
Только его открою.
Если найду я клад,
Станешь моей женою?

Надо его скорей
Выкопать мне из сада.
С ним и тебя своей
Сделать хочу наградой.

Но, если не найду
Полный бочонок злата,
Значит, я прочь уйду,
В землю воткнув лопату.

Прочь утопчусь тогда
В ночь за ограду сада,
Зная, что никогда
Ты мне не будешь рада.

ХВОСТ ПИСТОЛЕТОМ

Пусть закончилось лето
И жары не видать,
Все равно пистолетом
Буду хвост я держать.

Ливни жидкие гвозди
Стали в землю вбивать,
Ветер воет от злости,
Ну, а мне наплевать!

Не боюсь простудиться
Без плащей и зонтов,
В грязь на танцы пуститься
С воробьями готов.

С чем успел совместиться
Я в трехмесячный зной
Не смогу распротиться,
Словно тополь с листвою.

И неважно, что лето
Завершилось давно,
Буду хвост пистолетом
Я держать все равно!

МАЙ

Я явился к тебе с букетом
Из огромных бордовых роз.
С ними вместе кусочек лета
Нес я в дом твой. Трещал мороз.

А еще бушевала вьюга –
Дочь любимая января.
Приложить захотелось руку
К цифрам беглым календаря.

Щедро воздух в квартире грея
Помогала усердно мне
Многорёберная батарея,
Прислонившись спиной к стене.

Мне хотелось тепла июня.
Ну, а если нельзя, пускай
Нам раскроется вечно юный
И пленяющий страстью май!

Мы друг другу еще посторонние,
Но уверен, что станем при жизни мы
Друг для друга непросто знакомыми,
А до гроба родными и близкими.

Мы сегодня впервые увиделись,
И пока не считаем с серьезностью,
Что надежно уже примагнитились
Наши действия, чувства и помыслы.

Не поспоришь с земными законами,
Решено ими вечно всеильными,
Что друг другу еще посторонние
Мы уже друг для друга любимые.

БАМБУКОВЫЙ ПЛОТ

Бамбуковый плот с тростниковой циновкой
По руслу извилистой речки идёт.
Над мелями он пробирается ловко
Под лозунг движения — «Только вперёд!»

Идёт по течению он, а не против,
На палубе мачты и паруса нет.
В пути попадают водовороты,
И плот оставляет в них тающий след.

Совместно с течением к цели насущной
Безудержно мчится бамбуковый плот —
Их жаждет увидеть широкое устье,
За устьем их море просторное ждёт.

А дальше... А дальше волна океана,
Качаясь, двоих их к себе приберёт.
Такое случится, не сразу, не рано,
Но к цели идущий до цели дойдёт.

ИДУ СЛУЧАЙНЫМ ВИЗИТЕРОМ

Я в этом городе чужой.
Взяв одиночество в партнеры
По неизвестной мостовой
Иду случайным визитером.

Березы чувствую я взгляд,
Смущенно скрытый под косицей.
И обо мне в листве галдят
Заинтригованные птицы.

Чуть впереди кирпичный дом
Скамью воткнул перед подъездом.
Но даже он своим окном
Следит за мною с интересом.

Дорога скоро в бок вильнет,
Лоснясь под солнцем иллюзорно.
И мне вильнуть с ней в поворот
Совместно будет не зазорно.

Что поджидает по пути?
Места и таинства какие?
Кого смогу еще найти,
Бродя по городу впервые?

Гулять осталось ровно час,
Потом уеду я отсюда.
Но, все же, чувствую сейчас,
Что здесь чужим уже не буду.

И если я сюда судьбой
Еще раз выброшусь спонтанно,
То вновь увижусь с мостовой
Я словно с другом долгожданным.

НЕ СПОСОБНЫЙ СТАРЕТЬ

Пускай, не с рождения знаю Сургут,
Но детство провел свое светлое тут.
Учился здесь в школе, зимой по Оби
На берег соседний по льдинам ходил.

Сургут был подвластен вихрастым пескам,
Носился я с ними по летним дворам,
А в дни «актировок» любил на санях
Я с ветром кататься, свистящим в ушах.

Я счастье любви здесь впервые испил,
С друзьями по стройкам огромным бродил.
И с нами Сургут наш совместно мужал,
Кварталами новыми в землю врался.

Спортивные центры, проспекты, мосты,
Широкие скверы, густые сады,
И прочее город себе добывал –
Упорно трудился, ночами не спал.

Я тоже не думал в грязь падать лицом,
Умел сквозь проблемы шагать напролом.
Пускай, я не выполнил все, что хотел,
Но все-таки многое сделать успел.

Давно уже начал мой волос седеть,
Но город Сургут не способен стареть,
От жизни себе он, что хочет берет,
Не зная усталости, годом за год.

Здесь дети другие уже на санях
В морозы катаются с ветром в ушах.
И, может, желают добраться они
На берег соседний по льдинам Оби.

Придет обязательно время для них
Огромных побед и свершений больших.
И с ними совместно Сургут процветать
По-прежнему дальше продолжит опять.

С ИМЕНЕМ ГОРДО ЗВУЧАЩИМ — СУРГУТ

Носятся легкие, вольные голуби —
Их приманил мой любимый Сургут.
Тучи прохладой делятся с городом,
Свой внеземной позабыв маршрут.

Снега остатки дождем кучерявятся,
Тает клочками его седина.
Скоро от этого в Сайме-красавице
Свежая в берег уткнется волна.

Был я недавно на улице Энгельса,
Видел, как с тракта Югорского к нам
В город Сургут оперившимся Фениксом
Юная бойко влетела весна.

Скоро от Ауры до ГРЭСа украсится
Город звенящей и пышной листвой,
К жителям солнце лучами приластится,
Вычистив ярко свой нимб золотой.

Лето потом будет кратким и ветреным,
Холод крутой чаще властвует тут.
Но обожаю я город свой северный,
С именем гордо звучащим — Сургут!

Немного слов о днях минувших

МОНГОЛЫ

Хлеб затоптанный в поле,
Дым над хлебом висит.
Едут орды монголов
По огромной Руси.

Едут черные орды,
Застилают обзор.
Выжигают просторы,
Не встречая отпор.

Нет, борьбу не осилит
Русской правды земля,
Ведь ее разделили
На уделы князя.

Им единства не надо,
Позабыт общий дом.
Брат пустился на брата
С обнаженным мечем.

Русь совсем ослабела,
Стало холодно ей.
На куски рвется тело
От грызни сыновей.

Потому-то столь бодро,
Не встречая отпор,
Едут черные орды,
Застилают обзор.

Потому-то над полем
Дым тяжелый висит —
Едут орды монголов
По огромной Руси.

САУЛЕ

Брел Орден Меченосцев —
Защитников Креста,
А рядом догорали
Пустые города.

Под тяжестью добычи
Обозы шли едва.
И от побед великих
Кружилась голова.

Запели менестрели
Про ратные дела —
Сожженные мужские
И женские тела.

Беседы пилигримы
В пути вели: «Увы,
Не всех мы перебили
Безбожников Литвы.
Но все ж себе дорогу
Открыли в светлый рай,
От ереси глубокой
Очистив этот край.
Язычники погибли —
Кто в муках, а кто нет.
Устроили обильный
Мы воронам обед!»

Но в пламени пожаров,
Но в дыме от огней

Последние живые
Седлали лошадей.

Гонцов они отправили
Разнести соседям весть.
И грянуло повсюду
Сурово слово – «Мечь!»

– Эй, люди, собирайтесь!
Не должен враг уйти!
Он смерть свою обязан
В земле у нас найти!
За боль и униженья!
За близких и друзей!
За горечь разоренья!
За женщин и детей!..

Обозы крестоносцев
Осенний дождь накрыл.
Нещадно он неделю
На землю лил и лил.

По слякоти дороги
Защитники Креста
Неспешно покидали
Литовские места.

Куда им торопиться?
Нет воинства сильней,
Чем воинство Христово
Из верных сыновей!

Доехать им осталось
До речки. Дальше брод.
На этом завершится
Славнейший их поход.

Но путь им перекрыли,
Отрезав брод реки,
У Са́уле деревушки
Литовские полки.

Магистру крестоносцев
Доклады сплошь летят:
«У нашей переправы
Язычники стоят!
И их у переправы
Огромное число!»

Желание возмездия
Сюда их привело:
За боль и униженья!
За близких и друзей!
За горечь разоренья!
За женщин и детей!..

А сила крестоносцев
Упрятана в броне
И в яростной атаке
На преданном коне.

Дожди разъели почву
До вязкости болот.
Не смогут быстро кони
Нестись по ней вперед.

Храбрейшим пилигримам
Назад бы отойти,
Но будет сложно выжить
На пройденном пути.
Ведь сами крестоносцы,
Там, в пройденной дали,
Разграбили, что можно

И выжгли, что могли.
Недавняя удача
Опять не прилетит —
Их голод растерзает
И холод умертвит.

Решают пилигримы
У Са́уле бой принять.
Со спущенным забралом
Врага атаковать.

Но осень размягчила
Дождями верх земли.
И рыцари лавиной
Рвануться не смогли.
Копыта увязают
Доспехи тяжелят,
Литовцы, же, как демоны
На рыцарей летят.
И почва содрогнулась
От грохота мечей,
От воплей, от падений
И тысячи смертей.
Ломалась сталь об копьё,
Дырявились щиты,
И пенились кроваво
Распахнутые рты...

Под вечер завершился
Суровый этот бой.
С обозами литовцы
Отправились домой.

А воины Христовы
От мести не ушли.
И в землях непокорных

У Са́уле полегли
За боль и униженья!
За близких и друзей!
За горечь разоренья!
За женщин и детей!..

В начале 1236 года римский папа Григорий IX благословил крестовый поход против Литвы, который состоялся во второй половине лета 1236 года под предводительством Ордена меченосцев. К походу примкнули «искатели удачи» из множества европейских стран. Крестоносцы прошли по Жемайтии – северо-западной части современной Литвы. Крестовый поход по жестокости не отличался от прочих походов и сопровождался грабежами, насилием, убийствами, сожжением городов и деревень.

На обратной дороге, возле местечка Са́уле, расположенного на территории Литвы, недалеко от границ ордена, крестоносцев встретил литовский заслон, не позволивший рыцарям покинуть земли Литвы. Стояла осень, дороги были размыты дождями, превращая многие из них в непролазные болота. Крестоносцы могли избежать битву, отступив назад, и найдя обходной путь. Но тем самым предстояло вернуться в разоренные ими же земли, где их поджидали голод и холод надвигающейся зимы. Поэтому крестоносцы решили принять бой, который состоялся 22 сентября 1236 года. Тяжёлая кавалерия крестоносцев сражалась в болотистой местности, где все преимущества были на стороне легко вооружённых воинов Литвы.

Крестоносцы потерпели тяжёлое поражение, в битве погибл возглавлявший поход великий магистр Фольквин фон Наумбург и весь цвет воинов Ордена Меченосцев.

После битвы Орден Меченосцев так и не смог восстановиться и его остатки слились с Тевтонским орденом.

В настоящее время дата битвы – 22 сентября в Латвии и Литве имеет официальный статус праздника и отмечается, как День единства балтов.

ВЕЛИКИЕ БУЛЛЫ

Великою буллой в пятнадцатом веке
Сам римский отец — Николай номер пять
Позволил купцам европейского света
Рабов себе в Африке черных искать.

Но Африки мало, росли аппетиты.
Католики вспомнили быстро тогда,
Что где-то вдали, у широкого Инда
Нет веры в спасителя мира — Христа.

Прикрыв себя сказкой о роли Эдема
Отправилась в Индию первая рать
Солдатов, священников, миссионеров
С желанием грабить, крушить, убивать.

А дальше все шло по «накатанной схеме» —
Шри-Ланка, Америка, Индокитай —
Там хаос, разврат, там правители скверны
И душам заблудшим нет выхода в рай.

Купцы и хозяева алчной Европы
Под маской «Добра и Огромной Любви»
В погоне за золотом не мало народов
Заставить в крови захлебнуться смогли...

Мгновения сгнули дней тех ужасных,
Исчезли в суровых веках старины.
И, вроде бы, нет больше страшного рабства,
И, вроде бы, люди друг другу равны.

Но это неверно. Писать гуманисты
Засели великие буллы опять.
И миру они с неприкрытым цинизмом
Свой принцип Свободы пустили ввнушать.

И ведь все идет по «накатанной схеме» —
Лишь золото где-то блеснет на глазах,
Так сразу страну эту нужно от скверны
Идти и спасть, обращая во прах.

В 1452 году папа римский Николай V своей буллой *Romanus Pontifex* санкционировал захват португальцами африканских земель и обращение их жителей в рабство.

ДИКАЯ ОХОТА КОРОЛЯ СТАХА

Слышен топот, мчатся бесы
На двухрóговых конях,
Белорусское Полесье
Вновь испытывает страх.

Мчатся кони по болотам,
Пена вязнет в удилах.
Это вышел на охоту
Сам король – убитый Стах.

Прячьтесь те, чей дед с размаху
Засадил тяжелый меч
Отдыхающему Стаху
Подло в спину между плеч.

Он погиб, но все же выжил
Дух его с желаньем мстить –
Прячьтесь шляхтичи под крышей,
Если хочется вам жить.

Бесы мчатся, слышен топот,
Кони высятся в топях –
Это вышел на охоту
Стах, не ведающий страх!

По легенде, указанной в книге белорусского писателя Владимира Короткевича «Дикая охота короля Стаха» (Дзікае паляванне караля Стаха).

Действие легенды разворачивается осенью 1602 года в окрестностях местечка Болотные Ялины. Угнетаемые литовским гетманством и римской церковью обнищавшие панства,

в которых обитало православное население, признали своим королем родовитого белорусского пана Стаха Горского. Не был доволен королем только Роман Яновский, сильный магнат, который и являлся владельцем Болотных Ялин. Но Яновский заверил короля Стаха в своей преданности и даже побратался со Стахом, выпив совместно с королем из кубка смешанную свою и его кровь.

Затем король был приглашен Романом на охоту в Болотные Ялины. Ночью, во время посиделок у костра, Яновский подкрался к Стаху сзади и ударил мечом. Умиравший Стах произнес:

— Продал ты свой край, бывший побратим. Но мы не умрём. Мы ещё явимся к тебе, и к детям твоим, и к наследникам твоим, я и моя охота. До двенадцатого колена будем мы мстить безжалостно, и не скроетесь вы от нас.

Была перебита и охрана короля Стаха. Их всех приторочили к седлам коней и погнали коней. Кони умчались в ночь.

Но проклятие короля Стаха сбылось. Многие из рода Яновских погибли или помешались рассудком, многие видели, как не разбирая дороги, мчится дикая охота по самой жуткой трясине, по лесу, по протокам. Не звякали удила, не звенели мечи. На конях сидели молчаливые всадники, и болотные огни катились впереди дикой охоты короля Стаха прямо по трясине...

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

С волной завершить бесконечный свой танец,
Хотя бы на мель сесть нетленной кормой,
Веками желает Летучий Голландец.
Но проклят за норы строптивый он свой.

От мыса недоброго Доброй Надежды
До мыса с коротким названием Горн
Он мечется, берег ища безутешно,
Незнающий смерти, пугающе черн.

Он проклят. За что? Уж никто и не вспомнит,
Различных сказаний об этом полно.
Сейчас же сплошное соленое море
Пред ним расстилается всюду одно.

А может простить его Богу бы надо,
Голландец свое ведь уже отстрадал.
Он понял, что грешен, он дышит «на ладан»,
Но все же не может найти свой причал.

Гуляет по свету бессмертный скиталец,
Пытается выискать смертный покой
Безмерно уставший Летучий Голландец,
В волну погружаясь нетленной кормой.

«Летучий голландец» — парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречён вечно бороздить моря.

Согласно одной из легенд, в 1641 году голландский капитан Филипп Ван дер Деккен возвращался из Ост-Индии и вёз на борту молодую пару. Капитан убил суженого, а девушке предложил стать его женой, но девушка выбросилась за борт.

При попытке обогнуть мыс Доброй Надежды корабль попал в сильный шторм. В команде началось недовольство, и штурман предложил переждать непогоду в какой-нибудь бухте. Но Ван дер Деккен застрелил его и нескольких недовольных и поклялся, что никто из команды не сойдёт на берег до тех пор, пока они не обогнут мыс, — даже если на это уйдёт вечность. Голос с неба сказал: «Да будет так!». Этим Ван дер Деккен навлёк на свой корабль проклятие. Теперь он, бессмертный, неуязвимый, но неспособный сойти на берег, обречён бороздить волны мирового океана до второго пришествия. Хотя, по некоторым версиям, у него есть шанс обрести покой: раз в десять лет Ван дер Деккен может вернуться на землю и попытаться найти ту, что добровольно согласится стать его женой.

У ГОРОДА КАССЕЛЬ

Сумрачно в городе Кассель,
Гневно гудят рыбаки.
Встал на высокую, крепкую насыпь
Пастор у берега реки.

Воплем дерет он глотку,
Машет в просторы вод.
«Там», — говорит, — «на беспарусной лодке
Черный дьявол живет!»

Фульда — река зовется,
Меж берегов по ней
Шхуна вперед одиноко несется,
Словно по воле чертей.

Нет парусов и весла
Шхуну не гонят волной,
Только скрипят лопастями колеса
За деревянной кормой.

Чем же прогневало судно
Кассельский старый костел?
Тем, что впервые работал прилюдно
Здесь паровой котел.

Пастор взбесился словно,
Пастора бросило в жар:
«Шхуна», — кричит, — «в сатанинской жаровне
Адский срывает пожар!

С богом неситесь братья,
Шхуну быстрее топить,
Чтоб от господнего гнева не дать ей,
Дымом чадя, уплыть!»

Тут же в погоню отчалил
Кассельский парусный флот –
Чайки над Фульдой надменно кричали,
Видя речной пароход.

Лодки, скрипят натужно
Вниз по теченью реки.
Шхуну нагнали, и ринулись дружно
На бордаж моряки.

Был на борту парохода
Доктор Папэн Дени,
Именно он для колесного хода
Пар применил в эти дни.

Гнев моряков неизбежен.
В реку Дени скорей
Прыгнул и скрылся в осоке прибрежной
От разъяренных людей.

Видел он гибель судна,
Взрыв парового котла,
Как полыхая в огне безрассудном
Шхуна на дно ушла...

Съехал Папэн через годы
В сизый английский дым.
Там и скончался больным и голодным,
Нищим, забытым, седым.

Так, с прогрессивным мышленьем
Умер один человек.
А по земле, не теряясь в сомненьях,
Шел восемнадцатый век.

Дені Папéн (1647–1814гг), доктор медицины, физик и математик. В 1680 году изобрел паровой котел. Весной 1707 года установил котел на шхуну, которую спустил возле немецкого города Кáссель на воды реки Фúльда. Лодка шла против течения, делала развороты, пересекала реку – и все это без паруса и весел. Вскоре появился слух, что шхуну двигает нечистая сила. В конечном итоге, набожные кассельские моряки сожгли шхуну. Папен перебрался в Англию, где пытался раздобыть средства на постройку очередного парохода, но безуспешно. Умер в Лондоне в 1814 году в крайней нищете. Через сто лет после гибели судна Папена, 11 августа 1807 года на реку Ист-Ривер, был спущен второй пароход, построенный Робертом Фултоном, с которого и началась история массового пароходостроения. Папен к тому времени был окончательно забыт. О нем вспомнили в 1859 год и на родине, в городе Блуа, ему поставили памятник.

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

Светлейшего князя Орлова к Романовым
Эскадра тащила княжну Тараканову.
Княжну по Балтийскому морю в столицу
Тащила на суд к русской императрице.

Не трон ее ждал православной империи,
А стены темницы с тяжёлыми дверями.
Напрасно она, о величии грезя,
Назваться решила российской принцессой.

Сама виновата, сама напросилась,
Чтоб тайно ее вывозили в Россию.
На самом то деле была интриганка
Не царской княжной, а простой самозванкой.

Шла в Санкт-Петербург по Балтийскому морю
Эскадра светлейшего князя Орлова.
А в трюме на ложе под пледом овсяновым
Лежала устало княжна Тараканова.

Княжна́ Таракáнова — неизвестная, выдававшая себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. В 1774 году заявила о своих притязаниях на российский престол и на некоторое время нашла поддержку у ряда европейских государств. Похищена по приказу Екатерины II в Ливорно Алексеем Орловым и привезена в Санкт-Петербург. На следствии не признала вины и не раскрыла своего происхождения. Умерла в заключении в Петропавловской крепости.

ЛОЛИТА ДОЛОРЕС МАРИЯ

(Все совпадения с жизнью Элизабет Розанны Гилберт Марии де лос Долорес Поррис-и-Монтес считать случайными)

Инфанта Лолита Долóрес Марíя
Известна была европейскому миру.
Фигуркой изящной и кровью испанской
Пленяла она в королевствах дворянство.

За взглядом пронзающим, нежным и тонким
Гонялись бароны, князья и виконты.
Мечтали они чаще слышать и голос
Инфанты Лолиты Марии Долорес.

Немало дворян из верховной элиты
Готовы на все были ради Лолиты.
Огромные суммы, большие растраты –
И все для Долорес, для милой инфанты.

Да, что там князья! С монархических тронов
Пред ней короли преклоняли короны.
За встречи с Марией они разорались
И даже с престолов народом смещались!

Но как-то, поклонникам верным на горе,
Внезапно исчезла инфанта за морем.
Укрылась в просторной Америке вскоре
Инфанта Лолита Мария Долорес.

В Европе, чуть позже, дворяне узнали,
Что сильно в Лолите они ошибались.

Узнали, что эта инфанта-испанка
С рождения бедной являлась шотландкой.

Да, ложь, это плохо. В ней слабость, не сила.
Но все же с ней многих дворян покорила
Великих домов европейского мира
Красотка Долорес Лолита Мария.

Элизабет Розанна Гилберт родилась в Индии, в Калькутте, в семье бедного шотландского офицера Эдварда Гилберта. В 1843 году Элизабет Гилберт под именем Мария де лос Долорес Поррис-и-Монтес (кратко Лола Монтес) появилась в Лондоне, выдавая себя за испанскую танцовщицу из Севильи. В 1843 году, после разоблачения, бежала в Европу.

В Европе ею открыто восхищались Ференц Лист, Бальзак, Дюма. Своими любовными похождениями Лола Монтес сумела разорить многих богатых и влиятельных лиц европейского света. Но вершиной авантюрой жизни Лолы стал роман с королем Баварии Людвигом I. Король осыпал Лолиту щедрыми подарками и драгоценностями. Самыми большими подарками стали старинное огромное поместье и титул графини Ландсфельд. Поведение королевской фаворитки было настолько неприятно местной аристократии и населению, что в стране разгорелся бунт, в результате которого Людовику I пришлось отречься от престола, а Лола бежала из страны.

К старости Лола обосновалась в Нью-Йорке, превратилась в порядочную христианку и волонтерку. Стала помогать бездомным, считая, что тем самым искупает грехи своей бурной юности.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ, ИЮНЬ, ДВАДЦАТЬ ДВА

Брестская крепость, июнь, двадцать два.
Местное время — четыре утра.
Бомбы взметнулись с фашистских плацдармов,
Чтобы на спящие рухнуть казармы.

Паника в крепости длилась недолго.
Думал ли воин, поднявшийся с койки,
Что после боя с посмертным отбоем
Будет причислен он к вечным героям?

Нет, он не думал, он просто сражался,
Кровью своей и врага умывался.
Смерти в лицо говорил — не боюсь,
Я умираю, но не сдаюсь!

Крепость держалась, пылая в огне.
Эти слова вырезал на стене
Воин-герой, защищавший отчизну,
Там, возле Буга, простившийся с жизнью.

Как ты погиб, защищая Союз,
Знают Россия и Белая Русь,
Помнят и фразу твою наизусть —
Я умираю, но не сдаюсь...

«Я умираю, но не сдаюсь!
20/VII — 41, Прощай Родина».

Надпись, «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина», сделана в Брестской крепости 20 июля 1941 года, в районе Белосток-

ских ворот в западной части Центрального острова, в ходе её обороны во время Великой Отечественной войны.

Надпись была обнаружена в руинах казармы 132-го отдельного батальона конвойных войск НКВД СССР, который совместно с гарнизоном Красной Армии дислоцировался в крепости. Считается, что надпись сделана военнослужащим этого батальона Фёдором Рябовым.

Позднее часть стены с надписью была перевезена из Бреста в Москву, войдя в состав экспозиции Центрального музея Вооружённых сил. Копия надписи выполнена в мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой». В музее крепости расположена скульптура в бронзе «Умираю, но не сдаюсь», подаренная минскими рабочими ко дню открытия мемориала в 1969 году.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слов не подобрать!	3
Дом забытого поэта	4
Прощание	5
В предтундровом крае	6
Клочки ободранной афиши	7
Высота	8
«Где судьба так тебя размазала...»	9
Бутылка в кармане	11
Возвращение	12
Отражение	13
Сорока	14
Как это «ни о чем»?	15
«Короткі наши встречи ...»	16
«Надо будет, так свершу...»	17
«Тучи стерли дряхлый месяц...»	18
«Хоть завертись этим временем вспять...»	19
Рассвет	20
Распутица	21
Я к тебе непременно вернусь	22
Камни	23
«Тишина сковала слух...»	24
Не согреться вовсе	25
«Среди следов иголки трав...»	26
Дно	27
Судьба	28
Блик с оттенком барбариса	29
Дольки соли	30
Уставший город	31
«Десять раз он был женат...»	32
«Ты сегодня спокойно уснешь...»	33
Напишу тебе без рифмы	34
Да какой из меня стратег?	35
Наконец-то вдвоем!	36

Отложим охоту	37
Сапоги и босоножки	38
Письмо Дедушке Морозу	40
Домашний отпуск	41
Способный верить любой сумеет	42
Символизм позитивизма	43
Я магический шар хрустальный	44
Галера	45
Если б не был я таким счастливым	46
«Ливни холодом жгут осенние...»	47
Шарлатаны	48
«За возможную ночь с тобой...»	49
В переулочном пролёте	50
Тост	51
Бронзовый век	52
Безмолвные тайны	53
Победителей ведь не судят	55
Настырный дождь	56
Усталость	57
Поговорим не о работе	58
«Нет, неправда, нет на свете Старости...»	59
Паспортный возраст	60
«Обрывок цепи, полусгнившая будка...»	61
Письмо	62
Перстень	63
«Ты вроде бы по-прежнему со мной...»	64
Прощай!	65
«Да! Свершилось! Ложась в кровать...»	66
«Бутылку водки хочу в оплату...»	67
«Намоталось немало лет...»	68
Киты не рыбы	69
Время	70
Языки	71
Неизменный изгой	72
Дым	73

«Я считал тебя отзывчивой натурой...»	74
«Лопухи на отмелях...»	75
«Погасла свеча удачи...»	76
«Имеется финиш у каждого старта...»	77
«Я бы звёзды сорвал, но они высоко...»	78
Имя	79
Кухня	80
Загадка	81
«Не поеду я за рулем...»	82
Арка	83
«Выйду я на улицу...»	84
Одиночество	85
Лунные зайцы	86
Червяк и небо	87
Совесь	88
Полный бочонок злата	89
Хвост пистолетом	90
Май	91
«Мы друг другу еще посторонние...»	92
Бамбуковый плот	93
Иду случайным визитером	94
Не способный стареть	96
С именем гордо звучащим — Сургут	98
Немного слов о днях минувших	99
Монголы	101
Са́уле	103
Великие буллы	108
Дикая охота короля Стаха	110
Летучий Голландец	112
У города Кассель	114
Княжна Тараканова	117
Лолита Долорес Мария	118
Брестская крепость, июнь, двадцать два	120

Вячеслав Сазанович

Бронзовый век

Иллюстратор Изабелла Сазанович